

Информация для цитирования:

Леонтьева Т. В. Клишированные ответные реплики в коммуникации молодежи: семантика, аксиология, прагматика и социокультурные функции / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 90—112. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-90-112.

Leontyeva, T. V. (2026). Clichéd Responses in Youth Communication: Semantics, Axiology, Pragmatics, and Sociocultural Functions. *Nauchnyi dialog*, 15 (3): 90-112. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-90-112. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Клишированные ответные реплики в коммуникации молодежи: семантика, аксиология, прагматика и социокультурные функции

Леонтьева Татьяна Валерьевна
orcid.org/0000-0002-7213-1582
WoS ResearcherID: F-6156-2016
ScopusAuthorID: 56728772100
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
языков массовых коммуникаций
t.v.leontieva@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
за счет средств гранта
Российского научного фонда,
проект № 25-28-01168 Ценностные
смыслы в персональном нарративе
российских молодежных блогеров,
<https://rscf.ru/project/25-28-01168/>

Clichéd Responses in Youth Communication: Semantics, Axiology, Pragmatics, and Sociocultural Functions

Tatyana V. Leontyeva
orcid.org/0000-0002-7213-1582
WoS ResearcherID: F-6156-2016
ScopusAuthorID: 56728772100
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of Mass Communication Languages
t.v.leontieva@urfu.ru

Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-01168
“Value Meanings
in the Personal Narrative
of Russian Youth Bloggers”,
<https://rscf.ru/project/25-28-01168/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ клишированных ответных реплик в речи молодежи, рассматриваемых как пропозиемы (*Осуждаю; Понял, принял, обработал; Знаю, умею, практикую* и под.). Данные реплики предлагается считать единицей промежуточного статуса между фразеологической единицей, имеющей предикативную основу, и свободным предложением. Изучается их структурно-функциональная специфика: отсутствие образности, роль в организации диалога и др. Установлено, что данные реплики представляют собой речевые штампы (готовые речевые решения), обеспечивающие моментальное реагирование в типовых коммуникативных ситуациях, освобождая говорящего или пишущего от «когнитивных затрат» на формулирование развернутого личного высказывания. Подчеркивается, что они являются коммуникативным инструментом, заполняя типичные слоты в диалоге в роли метаязыковых маркеров различной семантической специализации. Отмечено, что такие конструкции являются маркерами культурной идентичности современного «цифрового» поколения, отражающими изменения в стиле общения и ценностных ориентациях молодых носителей языка. Показано, что проанализированные устойчивые реплики-клише из речи современной молодежи маркируют ценностные фиксации носителей языка на самопрезентации через личный опыт, информационно-цифровом взаимодействии, визуальной чувствительности, ритуализованном нормативно-ценностном дистанцировании. Отмечается, что совокупность этих ценностных слотов складывается в психографический профиль молодого поколения.

Ключевые слова:

социальные сети; коммуникативные роли; интернет-мем; неология; неологизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents an analysis of formulaic response utterances in youth speech, conceptualized as *proposiomas* (e.g., *Osuzhdayu* [“I condemn it”], *Ponyal, prinyal, obrabotal* [“Got it, received, processed”], *Znayu, umeyu, praktikuyu* [“I know, I can, I practice”] etc.). These utterances are proposed as units of intermediate status between phraseological units with a predicative basis and free sentences. The study examines their structural and functional specificity, including the absence of imagery and their role in dialogue organization, among other features. It is established that these utterances function as speech clichés or ready-made verbal solutions, enabling instantaneous reactions in typical communicative situations and relieving speakers or writers from the cognitive effort required to formulate extended personal statements. Emphasis is placed on their role as a communicative tool that fills typical slots in dialogue, serving as metalinguistic markers with varying semantic specialization. It is noted that such constructions act as markers of cultural identity for the contemporary “digital” generation, reflecting shifts in communication styles and value orientations among young language users. The analysis demonstrates that the examined stable cliché-utterances from modern youth speech mark value fixations centered on self-presentation through personal experience, information-digital interaction, visual sensitivity, and ritualized normative-value distancing. It is further observed that the aggregate of these value slots constructs a psychographic profile of the younger generation.

Key words:

social networks; communicative roles; internet meme; neology; neologism.

УДК 811.161.1'37+81'42:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-90-112

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Клишированные ответные реплики в коммуникации молодежи: семантика, аксиология, прагматика и социокультурные функции

© Леонтьева Т. В., 2026

1. Введение = Introduction

Научные исследования показывают устойчивый интерес к новым явлениям в молодёжном лексиконе, в том числе в области фразеологического состава и паремиологии. Условно промежуточную позицию между лексико-фразеологическими единицами как корпусом языковых данных, планомерно регистрируемых учеными, и, с другой стороны, текстами, образующими различные дискурсы, занимают высказывания несвободного характера, обладающие свойством относительной устойчивости (хотя они могут иметь вариации плана выражения), то есть воспроизводимые в неизменном виде. Мы остановимся на тех из них, которые можно увидеть в качестве письменных реплик в интернет-общении, а также — и это, вероятно, вторично — в устной живой речи молодежи, и этот последний вариант как раз более интересен, поскольку показывает стилистическую и лингвопрагматическую эволюцию одного из видов структурно-семантических единств, совершающуюся в связи с трансформацией сферы коммуникации в условиях технологизации каналов общения и, как следствие, изменением ментальной и аксиологической базы носителей языка.

Речь идет о своего рода паремиологических единицах, которые можно отграничить от фразеологии по таким критериям, как предикативность, структурно-семантическая цельность и завершенность, воспроизводимость и функция ответной реплики в диалоге, например:

Понял, принял, обработал.

Знаю, умею, практикую.

Очень интересно, но ничего не понятно.

Зовите / Вызываю пояснительную бригаду

А так можно было?

Не знаем, не слышали.

*Ну такое.
Такое себе.
Есть вопросыки.
Осуждаю.
Не читал, но осуждаю
Но это не точно.
Справедливо.
Теперь я видел всё.
Жизнь меня к такому не готовила.
Я никогда не буду прежней.
Мир не будет прежним.
Кто молодец? – Я молодец!
Это фиаско, братан.*

Все эти конструкции, повторимся, оформлены как завершённые предложения. Этим они отличаются от фразеологизмов и фразеосхем, которые могут быть частью предложения, то есть замещают одну из синтаксических позиций в его составе, ср. фразеологические единицы:

В любой непонятной ситуации... улыбайся / ложись спать / (В любой непонятной ситуации меняя губернаторов! (Сергей Елкин // ЖЖ, 01.10.2017, <https://ellustrator.livejournal.com/853002.html>) [AA];

... **чуть более чем полностью.** (В последующие годы состав менялся чуть более чем полностью (ЖЖ, 2024, https://baft_fellows.livejournal.com/); То, как все представлено в СМИ и телеграм-каналах – криво чуть более чем полностью (ЖЖ, 2021, <https://zergulio.livejournal.com/>) [AA];

... **от слова совсем.** (Восток устроен именно так. Доброта и всепрощение там не работают от слова «совсем» (ЖЖ, 2024, <https://ilyavaliiev.livejournal.com/>) [AA]).

Это тоже любопытные единицы, они обладают мощным притяжением для лингвистов, привлекают внимание исследователей. Только конструкции *от слова совсем* посвящен целый ряд научных публикаций, в которых ее статус квалифицируется различно (*модальный оператор, парцелированный интенсификатор, формальная идиома, метаязыковой оператор, сленговый аграмматизм, фразеосхема*) [Белоусов, 2016; Вознесенская и др., 2019; Зеленин, 2022; Локалина, 2022; Баякова, 2024; Локалина, 2024; Треблер, 2025].

Однако далее речь пойдет только о завершённых репликах-предложениях устойчивого лексического состава, в значении которых отсутствует образная составляющая. Часть из них по происхождению соотносительны с культурой мемов как интернет-жанра (у которого сложилась сеть субжанров), то есть являются по сути прецедентами, другие никак не соотносятся с «визуально-мемной» культурой.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Надо полагать, конструкции описанного типа следует рассматривать в рамках теории речевых актов и концепций, предполагающих выделение и описание дискурсивных формул, или иллокутивных единиц, или единиц с иллокутивной семантикой.

Дискурсивные слова стали предметом рассмотрения еще в 1990-х годах: «...единицы особого типа», «дискурсивные слова», «с одной стороны, обеспечивают связность текста» и, с другой стороны, «отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Баранов и др., 1993, с. 7]. Но под ними подразумевались служебные слова.

С течением времени концепция дискурсивных конструкций получила развитие. Дискурсивные формулы, или дискурсивы, стали пониматься шире — как «языковые единицы за пределами речевого акта, а именно, специальный класс идиоматичных ответных реплик» [Рахилина и др., 2021, с. 7], отражающих «процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Баранов и др., 1993, с. 7].

«Под дискурсивными формулами понимаются устойчивые, легко воспроизводимые изолированные конструкции, ср.: *Еще бы! Не то слово! То то же* и под. Они служат ответными репликами в диалоге и в отличие от традиционных конструкций не содержат переменных внутри себя» [Жукова и др., 2019, с. 142].

«Дискурсивные формулы представляют собой отдельный класс некомпозициональных (см. Fillmore 1988) единиц — это разговорные реплики, как рус. *Еще бы, Ну и ну*, англ. *Come on, No way, You bet*, слвн. *Ne bi rekel, Točno tako*, состоящие из нескольких элементов и выражающие прагматические значения: отказ, согласие выполнить просьбу, удивление, подтверждение и пр.» [Бычкова, 2020, с. 112]. Ср.: «реплика-формула» [Там же, с. 117]: «...дискурсивные формулы, как реплики диалогов, представляют другую область — языка: здесь вступают в действие обычно нерелевантные для лексики параметры — оценки, ожидания, интенции, отношения между говорящим и адресатом» [Там же, 113].

П. А. Бычкова выделяет фреймы подтверждения: очевидности (*еще бы, а как же, а ты как думал, на разумеется, ясное дело*), экспертной оценки (*так и есть, именно так, совершенно верно*), осознания (*вот именно, тоже верно, и то верно, пожалуй что, твоя правда*), солидарности (*и не говори, не то слово*) [Бычкова, 2020]. Исследовательница ставит вопрос о возможности сопряжения различных лингвистических теоретических концепций: «Основной вопрос, поставленный в этой работе, звучал так: применим ли к прагматическим единицам опыт лексической типологии?» [Бычкова, 2020, с. 126].

Осмыслению и разработке подлежал и терминологический аппарат этого направления лингвистических исследований:

- элементы готовой цитации [Блох, 2004; с. 69];
- пропозеомы [Блох, 2004; с. 69];
- иллокутивные показатели [Падучева, 2010, с. 300];
- средства выражения коммуникативного намерения [Падучева, 2010, с. 300];
- дискурсивные формулы [Жукова и др., 2019, с. 142];
- иллокутивы [Кустова и др., 2012, с. 355];
- иллокутивные фраземы [Кустова и др., 2012, с. 349];
- иллокутивные идиомы [Кустова и др., 2012, с. 349];
- иллокутивные клише [Кустова и др., 2012, с. 356];
- дискурсивы [Кустова и др., 2012, с. 363];
- дискурсивные маркеры [Иоанесян, 2022, с. 35];
- коммуникативы [Шаронов, 2018];
- прагматические единицы [Иоанесян, 2022, с. 35];
- единицы с прагматическим значением — эмфатического согласия, одобрения, отрицания и проч. [Жукова и др., 2019, с. 143].

Так, Г. И. Кустова пишет об «иллокутивных идиомах» (*Сойдём! Зашибись. Во даёт!* и др.), отмечая: «На следующем шаге эволюции многие иллокутивы превращаются в дискурсивы — метатекстовые показатели <...>, выполняющие в составе разных речевых актов специальные функции: привлечь внимание адресата, усилить воздействие на него, придать больший вес своему высказыванию, выразить свое отношение к чему-л. и под. (под дискурсивами, или дискурсивными словами, понимают не только метатекстовые (вводные, парентетические) слова и конструкции, но также частицы и модальные слова <...> — важно, что все они служат организации текста» [Кустова и др., 2012, с. 363].

По мнению И. А. Шаронова, «коммуникатив — это самостоятельная реплика» [Шаронов, 2018, с. 66] (*Сделай одолжение! Будь добр!*); «...коммуникативы служат для выражения ответного речевого акта, а вводные могут быть использованы только для его уточнения и усиления» [Там же, с. 5]; «Свойство иметь репликовое употребление может быть временным» [Там же, с. 64].

Наконец, напомним, что Марк Яковлевич Блох, характеризуя «сегментные уровни языка», выделяет фонематический, морфематический, лексематический, фразематический, пропозематический и надпропозематический («надпредложенческий») уровни [Блох, 2004, с. 62—69]. Комментируя пропозематический уровень, он соотносит его с единицей «предложение» (= пропозема, предикативная единица, препозитивное со-

держание этой единицы имеет два аспекта: номинативный и предикативный) и делает вскользь следующее замечание, оказывающее некоторую поддержку нашим наблюдениям: «Известно, что в языке имеется некоторое количество устойчивых предложений в виде элементов “готовой цитации”. Эти предложения, наряду с устойчивыми фраземами (фразеомами), составляют предмет фразеологии. Ср.: *Live and learn. Let us return to our muttons. You may rest assured. God bless my soul!* и т. д. Продолжая терминологическую линию, принятую в данном исследовании, можно назвать фиксированное речение типа вышеприведенных “пропозеомой”. Пропозеомы, будучи единицами предикативными, обладают яркой спецификой и требуют, как и фразеомы, выделения в особый раздел лингвистического описания» [Блох, 2004, с. 69].

Опираясь на опыт разработки данной темы в языкознании, далее в статье мы остановимся выборочно на отдельных примерах репликовых единиц, которые функционируют в речи современной молодежи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вербальные формулы эмпатической поддержки собеседника

Итак, чтобы разобраться в специфике и коммуникативном назначении ответных клишированных реплик, проанализируем далее ряд речевых образцов этого типа.

Вначале остановимся на выражении, восходящем к мему 2017 года: *Это фиаско, братан!* 26 сентября 2017 года интернет-пользователь Владимир Лавров на YouTube-канале Shiba Stiv разместил видеоролик о собаке, неловко упавшей в ручей с бревна. Он сопроводил видеозапись данной фразой в качестве аудиокomentarия и подписи (рис. 1).

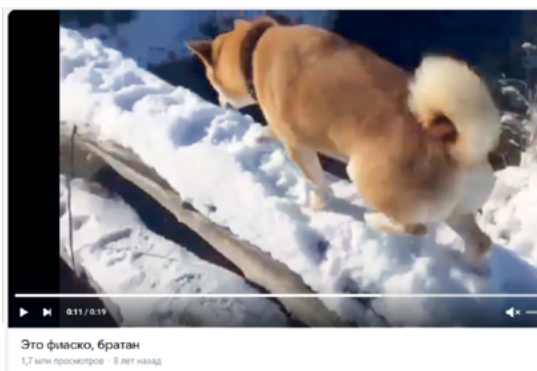

Рис. 1. Стоп-кадр из видеозаписи, ставшей интернет-мемом, 2017

С 2017 года эта фраза, подхваченная интернет-пользователями, стала популярной и начала жить своей жизнью в русской речи, в том числе в интернет-дискурсе (здесь и далее в иллюстративном материале сохранены орфография и пунктуация источников):

(1) *Ну что сказать о Пари Фесте? Это фиаско, братан* (Сабина Мельник // ВК, 25.08.2025) [AA].

(2) *С тех пор как мы были здесь в прошлый раз локация немного изменилась к лучшему: открыли мини-музей «Ржевская операция» и столовую. Музей с моей т.з. — позорный: огромный комплекс и музей размером с торговую палатку из 90-х — это фиаско, братан, это фиаско* (ЖЖ, 2025, <https://sntdpni.livejournal.com/>) [AA].

(3) *Остаётся час до старта и захода в зону иду собирать спиннинг и понимаю что я всем всё взял, а свой рюкзак с катушками и приманками забыл — это фиаско братан* (Саша Петровский // ВК, 15.09.2025) [AA].

В статье М. А. Шолохова, предложившего «классификацию вербальных интернет-мемов» по соотношению вербального и визуального кодов, выделяется пять видов мемов, из которых первый — «чисто вербальный мем», второй — «коннотативное наименование видео-мема», и к нему автор статьи относит мем «Это фиаско братан», подчеркивая: «Выражение же стало самостоятельным вербальным мемом, олицетворяющим неудачу, невезение» [Шолохов, 2019, с. 174—175]. Неясно, что автор статьи подразумевал под коннотативностью в данном случае, но очевидно, что вербальная часть мема отделилась от визуальной части, стала способной соединяться с любыми другими изображениями и видео, а также функционировать без иконической поддержки.

Важно, что выражение характеризуется «диалоговой прототипичностью», так как содержит обращение (*братан!*).

Эта фраза свободно встраивается как самостоятельное предложение или часть высказывания в монологический текст в роли оценочного квалификатора, являясь полным аналогом клишированного восклицания *Это провал!*

В монологе это вербальное средство конструирует условный «диалог пишущего с самим собой» (*Я сделал [что-либо]. Это фиаско, братан!*) либо реализует риторический прием — восклицание, моделирующее констатирующий смысл («это плохое решение, неудача, промах») с введением своего рода «чучела собеседника» для экспрессивизации речи.

Потенциально заложенная в этом прецеденте диалогичность обусловила возможность его использования в письменном и устном диалоге (ср. включение анализируемой реплики в диалог из телесериала «Улица» (https://www.vokrug.tv/video/show/1f5f0e93a8c61a61f7940660087d0723_

ulitsa_eto_fiasko_bratan/) [AA]), в котором у говорящего есть реальный собеседник, рассказывающий историю о своем негативном опыте / результате в чем-либо и ожидающий по логике развития разговора признания собственной меры страдания, а также сопереживания. С позиций лингвопрагматики основная функция этой конструкции в составе реального диалога, вероятно, заключается не столько в оценочной маркировке, которая и так контекстно очевидна для всех собеседников, ведь говорящий уже дал оценку ситуации либо своим или чужим действиям как провальным, сколько в подтверждении, легитимации оценки в поддержку эмоционального тона самого сообщения — требующего сочувствия либо иронического. В сущности, следует признать за анализируемой фразой функцию речевой поддержки собеседника.

3.2. Метакоммуникативные вербальные формулы со значением согласия, или подтверждения информационной успешности речевого взаимодействия

Устойчивый конструкт *Понял, принял, обработал* не соотносится с культурой интернет-мемов. Для него роль диалоговой ответной реплики является не потенциальной, а профилирующей. Высказывание имеет трехчастную структуру с перечислением по типу приема градации. Нельзя не заметить, что подобные структуры имеют популярность в качестве средства воздействия (например, в рекламных текстах или в жаргонизированной речи с характерной для них высокой степенью экспрессии):

Стильно, модно, молодежно.

От души душевно в душу.

Знаю, умею, практикую.

Большую поддержку экспрессивной тональности оказывает яркий интонационный рисунок, ритмизованный характер высказывания — с хорейским размером (двусложным, с ударением на нечетных слогах).

Если придирчивым взглядом присмотреться к порядку следования глаголов в анализируемой конструкции и если воспринимать ее как фреймовую структуру (то есть предполагать в соотносительной реальности ситуативную сцепку между обозначаемыми действиями), то окажется, что при таком порядке слов в некотором смысле нарушена житейская логика. Если *принял* употреблено в значении осуществления контакта как первой точки для передачи информации, то этот компонент должен стоять первым, а далее логично было бы ожидать последовательность: *обработал > понял*. Если же под *принял* подразумевается рефлекс идиомы *принять к действию*, то логически точнее было бы разместить его последним в ряду. Но понятно, что варианты *Принял, обработал, понял* и *Обработал, понял, принял* не годятся на роль популярной, быстро воспроизводимой формулы.

Застывший порядок слов в этой идиоматической структуре обусловлен, по всей вероятности, тем, что она развилась по модели избыточного разворачивания одиночного самодостаточного предиката «Понял», занимающего прочные позиции в качестве ответной реплики в диалогах. Показателен в этом смысле разговор, воспроизведенный интернет-пользователем на ресурсе «Ответы мейл.ру», с последующим вопросом как раз о значении услышанного выражения:

(4) *С мальчиком переписывались, диалог:*

Он: дома дела ещё

Я: поняла

Он: обработала

Я спросила в смысле, чего???

Он: ну у нас так говорят понял принял обработал (luch_solntsa_143 // <https://otvet.mail.ru/question/215063272>).

За счет повтора смысла, посредством нанизывания сходных номинаций, описывающих актуальный для коммуникации процесс действий адресата, получателя информации, однословный предикат разросся до речевого оборота.

По-видимому, это регулярная динамическая модель продуцирования выражений, когда исходной точкой является односложный ответ, а далее этот единственный и вполне смыслово достаточный элемент в режиме языковой игры дополняется другим, привносящим экспрессию, например: *Знаю > Знаю, мама писала; Я в курсе > Я в курсе, мать писала.*

Выбор носителем языка присоединяемых компонентов не случаен, предопределен речевой культурой, современной периоду появления клишированного высказывания. И если для *Я в курсе, мать писала* донором наверняка стала армейская либо уголовная среда, то для популярного у сегодняшней молодежи *Понял, принял, обработал* источником выступила информационно-технологическая культура. Во-первых, в диалогах делового характера приобрел широкое распространение вариант *Принято* наряду с прочими статусами порученных заданий *Взял в работу, Получено, Делаю, Работаем над вопросом*, широко используемыми в переписке: мессенджерах и электронных письмах — для профилактики недопонимания и срыва коллективного рабочего процесса с этапным распределением задач. Во-вторых, в актуальном поле лингвокультуры технологизированного общества находится фрейм обмена информацией (в том числе через средство программного обеспечения), один из семантических слотов которого соотносителен с этапом интерпретации каких-либо сведений. В языке это находит отражение в терминологической сочетаемости слов: *анализ больших данных, валидизация данных, фильтрация данных, нормализация*

данных, стандартизация данных, интеллектуальный анализ данных, обработка данных, обработка персональных данных и под., — а ввиду проницаемости культурных стратов, выступающих «резервуарами» для языковых единиц, специальная лексика проникает как минимум в пассивный запас носителей языка. Таким образом, вовлекаясь в языковую игру, носитель языка опирается на свои знания и те когнитивные структуры, которые сформировались у него под давлением среды, в данном случае — процессов организации обмена информацией в цифровом обществе.

Этот речевой конструкт — продукт своей эпохи. И носители языка даже проявляют приверженность, своеобразную симпатию к этому выражению: по запросу Телеграм выдает аккаунты пользователей, которые из-брали его своим ником (сетевым именем):

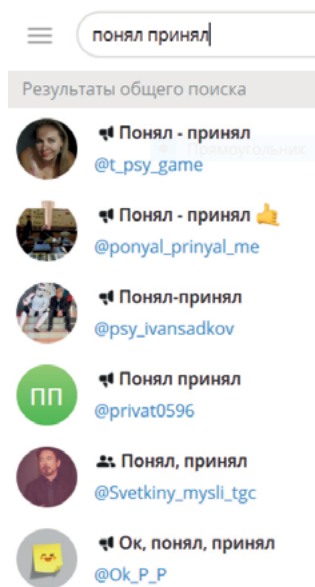

Рис. 2. Результаты запроса в Телеграм:
аккаунты пользователей с сетевым ником «Понял, принял», 2025 год

Прагматика анализируемого выражения, по нашим наблюдениям, заключается в речевой поддержке гармоничной, неконфликтной коммуникации через прямо выраженную согласительную позицию, которая эксплицитно подчеркивается последним элементом в вариации *Понял, принял, осознал*.

3.3. Вербальные формулы самопрезентации через личный опыт

Если конструкция *Понял, принял, обработал* выполняет функцию подтверждения установления контакта и успешности передачи информации, выступает речевой поддержкой диалога, то другой структурно похожий на нее конструкт, тоже трехчастный, тоже с фокусированной семантикой подтверждения (хотя объективированной по другому поводу), используется в качестве самохарактеристики со значением признания своих качеств с несколько акцентированной экспрессией: *Знаю, умею, практикую* (вариант: *Могу, умею, практикую*).

В данном выражении диалогичность присутствует в связи с тем, что это рефлексив. Оно занимает второй модуль при вербальной (иногда — опосредованно акциональной) актуализации модели «событие (из моей жизни) — реакция (саморефлексия)», фиксирует личностную практику самооценки в условном или реальном диалоге. Соответствующий сегмент текста (в частности, диалога) включает две последовательных транзакции: «сообщение о микрособытии или действии» — «сообщение о частотности подобных событий в своей жизни, что определенным образом характеризует субъекта».

Это может быть монологический текст, диалог с самим собой или беседа, а также разговор между несколькими коммуникантами.

(5) [Человек, идущий по коридору, врзается в угол при повороте].

— *Что-то ты, сын, себя не бережешь.*

— *Могу, умею, практикую.*

(6) *Я честно-честно пыталась выполнить рекомендации своего врача и вести дневник, но АД работают лучше. Не знаю, в какой момент я свернула не туда (да ладно, **знаю, умею, практикую** и регулярно сворачиваю), но пилюля счастья работает лучше, чем поведенческая терапия (ЖЖ, 2024, https://catarina_rina.livejournal.com/).*

(7) *И из всех этих способов надо было даже не выбрать — а скомпилировать свой собственный, подходящий моему, конкретному ребенку. И как только какая-то проблема решалась <...> я мысленно ставила себе пятерку — **знаю, умею, практикую**, справилась! Это потому что я хорошая мать (ЖЖ, 2018, https://flash_and_ice.livejournal.com/)*

Как мы можем наблюдать, оценочный регистр этого конструкта амбивалентен. В одних случаях высказыванию предшествует сообщение о положительном опыте, а интересующая нас фраза усиливает через обобщение и генерализацию позитивного смысла положительную самохарактеристику — похвалу, признание своей ценности. В других случаях предшествующий нарратив содержит сообщение о досадной неудаче, промахе, а фраза *Знаю, умею, практикую* реализует задачу минимизации психологического дискомфорта через юмор, становится оператором самоуспокоения.

Тот и другой вариант служат речевым средством адаптации к различным контекстам: говорящий помещает себя на один из полюсов шкалы «неудачливый» — «успешный», всерьез или в шутку презентуя свою психологическую идентичность.

(8) *Про дистанционное образование могу не одну статью написать. И писал, даже публикации кое-где есть... короче знаю, умею, практикую* (ЖЖ, 13.01.2015, <https://otrip.livejournal.com/>).

(9) *Прийти на Старкон с севшим аккумулятором у фотоаппарата - знаю, умею, практикую!* (Костюмированная вечеринка // ЖЖ, 2016, <https://asio.livejournal.com/>).

Отметим, что в речи возможна ротация состава этого фразеологизированного выражения (*умею* выносится в сильную первую позицию; или *могу* замещает начальное *знаю*) или его усечение (за счет элиминации компонента *знаю*).

(10) *Мыть ножницы и глубоко парезать палец. Умею, знаю, практикую!* (ЖЖ, 2014, <https://familia.livejournal.com/>).

(11) *Нормально я вчера съездила за покупками <...> Купила сланцы и один потеряла по дороге, купила купальник (в итоге положили два верха без трусов). Офигенный шопинг! Умею, практикую!* (Л. Кудрявцева, 2019 // <https://m.5-tv.ru/news/252677/kak-lera-kudravceva-shodila-zapokupkami-foto/>).

Итак, проанализированный конструкт является форматом утверждения собственного опыта. Говорящий использует этот оборот в ситуациях самоиронии или самопрезентации, подчёркивая свою компетентность либо привычность какого-либо поведения (чаще неловких действий).

По аналогии с *Понял, принял, обработал, Я в курсе, мать писала* исследуемый оборот по крайней мере в двух вариациях, когда началом является слово *Умею* или *Могу*, позволяет увидеть силу первого компонента как семантического инициатора, подтягивающего последующие избыточные компоненты для интенсификации смысла: в речи часто и давно используются пропозиции со значением признания неудач типа *Ну, это я могу* или *Это мы умеем*.

3.4. Этикетные формулы с акцентированной визуально-тактильной чувствительностью

Типовыми для диалогов являются, конечно, формулы вежливости. В жаргонизированной речи молодежи они тоже присутствуют, приобретая игровой характер, а вместе с ним и дополнительные функции: собственно вежливость редуцируется, уступая место демонстративной самопрезентации. Так, в роли этикетной формулы прощания используется 4-компонентная предикативная конструкция, описывающая в режиме разворачивания

фрейма реальную ситуацию прощания: *Обнял, приподнял, покружил, поставил на место.*

Она фигурирует в соцсетях как письменная формула прощания и интересна тем, что является вербальной моделью невербальных действий, то есть представляет собой одно из многочисленных средств объективации такого конститутивного свойства современной коммуникации, как «чувствительность», «новая искренность», наряду со смайликами, с жестами выражения чувств типа «сердечко», с лавинообразными публикациями гипертрофированно эмоционального видеоконтента блогеров, практикующих «проговаривание чувств», с видеофиксацией первой реакции на прослушивание песни, с лексическими маркерами типа *мурашки*, *мимики* и мемами с котиками, с популярностью стриминговых платформ, предоставляющих пользователям возможность пассивного наблюдения за игрой геймеров, которые, как правило, не экономят на экспрессивности собственных комментариев, увлекая зрителей демонстрацией, что называется, «естественных чувств».

3.5. Ритуализированные формулы эмблематического нормативно-ценностного дистанцирования

Именно в коммуникации пользователей на стриминговой платформе (если верить свидетельствам, которые обнаруживаются в сети Интернет) зародилась следующая фраза, участвующая сегодня в трансформации общественных практик осуждения: *Осуждаю*. В письменной коммуникации она фигурирует в ином графическом оформлении — *Асуждаю*, имитирующем один из сленговых вариантов русского языка в начале 2000-х годов (язык падонкафф, олбанский йезыг), основанный на умышленном искажении слова в нарушение орфографических норм (этому языковому феномену посвящено множество публикаций; см., например, [Кронгауз, 2013]). Акцентированно экспрессивный вариант, в структурном плане избыточно развернутый в игровом режиме, включает глагол *поддерживать*, антонимичный опорному глаголу *осуждать*, с двойным усиленным отрицанием: *ОСУЖДАЮ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ПОДДЕРЖИВАЮ*. Кроме того, в интернет-диалогах большую популярность имеет иронический трансформ: *Не читал, но осуждаю*.

Поясним, что Twitch — платформа для прямых трансляций, популярная среди любителей видеоигр. Пользователи могут наблюдать за тем, как играет геймер, в прямом эфире или в записи, общаясь с другими участниками трансляции. Согласно правилам сообщества «Твич», если стример или участники общения допускают нарушение правил поведения во время «стрима», аккаунт игрока, на котором ведется трансляция, блокируется на некоторое время вплоть до удаления запрещенного контента. Так,

в условиях пользования платформой заявляется: «Независимо от ваших намерений, вы не имеете права: пропагандировать, прославлять насилие или смерть; <...> использовать оскорбительные высказывания, разжигающие ненависть; <...> выражать презрение или отвращение; <...> продвигать расстройства пищевого поведения; <...> распространять графические сведения о предсмертных записках или попытках самоубийства» и т. д.; «Насилие на Twitch воспринимается серьёзно и считается нарушением нулевой терпимости» [Twitch]. (Для справки: *Нулевая терпимость*, или *нулевая толерантность* — это политика абсолютного неприятия любых нарушений установленных норм и правил, предусматривающая диспропорционально жёсткие меры наказания за малейшие отклонения от требований и стандартов поведения).

Стремясь избежать блокировки аккаунта, их владельцы (стримеры), заметив допущенное кем-либо из зрителей стрима нарушение, якобы выкрикивают или пишут в чате слово «Осуждаю», полагая, что это принимается в расчет модераторами и вместе с мерой удаления данного фрагмента видеозаписи позволяет стримеру остаться ненаказанным.

На самом деле поверхностное знакомство с контентом платформы не позволяет нам заключить, что система установленных в сообществе правил допустимого поведения исправно функционирует, но, например, интервью с одним из стримеров содержит элементы метарефлексии относительно использования фразы «Осуждаю»: *[Вопрос: насколько ты устаешь от слова «осуждаю»?] Оно меня [достало] уже, это слово! Но я же должен среагировать на нарушение правил, на Twitch же важна сама реакция. Слово «осуждаю» тебе ничего не дает как таковое, но тебя банят из-за реакции. То, что ты отреагировал негативно на запретку, спасает. Я сейчас, может, какую-то тайну раскрою, но на Twitch тебя забанят за запретку, если у тебя отсутствует реакция* (Олег stray228 Бочаров // ВК, https://vk.com/wall-52079251_1221149) [AA].

Как бы то ни было, хотелось бы обратить внимание на ключевое слово приведенного отрывка — *реакция*, на количество его употреблений в одном абзаце. Симптоматичен выбор слова интервьюируемым, как и оценка высокой значимости соответствующего объекта и понятия для организации коммуникации. За этим просматривается не индивидуальное восприятие говорящего и даже не групповое мировоззрение стримеров, а целая культура, сформировавшаяся в эпоху новых технологий в соцсетях. Нельзя упустить из внимания, что современные алгоритмы социальных платформ определяют популярность контента именно исходя из числа откликов аудитории, включающих лайки, дизлайки, комментарии и репосты [Черный и др., 2021, с. 18]. Сложился новый стандарт успешности публичного деятеля, показа-

тель вовлеченности аудитории стал важнейшей метрикой эффективности онлайн-коммуникаций, реакция приобретает значение валюты, капитализируется в связи с действием рекомендательных алгоритмов, влияющих на распределение трафика: чем больше положительных отзывов получает пост, тем выше шансы на распространение среди широкой аудитории.

Сегодняшняя реальность диктует необходимость учета реакций практически во всех областях человеческой деятельности: от индивидуальных авторов и блогеров, стремящихся привлечь аудиторию и повысить свою репутацию, до крупных брендов, заинтересованных в укреплении лояльности потребителей, и органов власти, которым важно своевременно реагировать на общественные настроения и эффективно управлять кризисными ситуациями. Учет мнений и реакций становится универсальным механизмом управления взаимоотношениями с аудиторией, определяющим успех как частных лиц, так и корпораций и государственных институтов. Ср.: «В условиях цифровизации публичной сферы “прямое политическое обращение” перестаёт быть однонаправленным речевым актом (телевизионное или парламентское обращение) и превращается в постоянный, платформенно опосредованный цикл “адресация → обратная связь → доработка повестки”. На уровне теории публичной сферы это соответствует сдвигу от классической делиберативной модели к “кумулятивной делиберации”, где мнения складываются через множество микро-действий пользователей (лайки, комментарии, репосты), а не через единый рациональный диалог. Этот сдвиг объясняет рост доли “фрагментарных” реакций граждан на обращения власти онлайн и потребность в институтах, которые умеют собирать и агрегировать рассеянную реакцию аудитории» [Акопян, 2025, с. 53].

Добавим, что реакции самым серьезным образом вовлечены в современные протоколы коммуникации. Значение измерений реагирования заключается в обеспечении разворачивания коммуникации, ее организации, так как учет реакций «стимулирует адаптацию контента» [Базлуцкая и др., 2024, с. 52].

Всё сказанное не может не найти отражения в языковых данных. Появление жаргонных единиц, а также специализированных терминов свидетельствует о закреплении реакции как центрального элемента современной культуры коммуникаций: *реакции* ‘метрика в социальных сетях, измеряющая количество лайков, комментариев, репостов’, *вовлеченность* ‘метрика в социальных сетях, оцениваемая суммой всех доступных пользователям реакций на контент автора (лайков, комментариев и репостов)’, *обратная связь*, *лайк*, *дизлайк*, *смайлик*, *фидбек* (ср. даже предложение ввести термин *индекс фидбека аудитории* [Волкова и др., 2024]), *экономика реакции* [Davies, 2023] и т. д.

В контексте темы важной представляется чрезмерная прямота формулировки. В естественной коммуникации человеку не пришло бы в голову выбрать такое средство выражения отрицательной оценки, как личная форма перформатива (речевого факта, одновременно являющегося собственно действием) в 1 лице, ед. числе, так как это своего рода этикетное и этическое нарушение, разновидность речевой агрессии (вспомним, что точно так же неузуальна форма 1 лица ед. числа от глагола *клеят*, хотя она и фиксируется словарями, — *клеят, но Национальный корпус русского языка дает лишь 10 примеров его употребления (во всех подкорпусах совокупно): *У Бори на душе грех — он выступал за исключение Б.Л. из ССП. Он этим мучается, а я клеят тех, кто так поступал, не называя имени* (А. К. Гладков. Дневник, 1971) [НКРЯ], *Другим я прощаю огрехи — никогда не клеят, не делаю замечаний, если только сами не спросят* (Леонид Броневова: играл в домино, чтобы прокормиться // Аргументы и факты, 2003.12.16 [НКРЯ] и др.). Заметим, что всё это монологические нарративы, иногда они содержат отрицание, а оно существенно меняет тональность высказывания, смягчает ее, так как позиционирует, наоборот, терпимость, даже личную программу отказа от осуждения как разновидности жестоких практик.

Однословный предикативный конструкт *Осуждаю* следует рассматривать в контексте общественных практик осуждения, с учетом современной ситуации его функционирования в дискурсе социальных сетей – публичного осуждения. По замечанию А. Юнусова, «вменение моральной ответственности — практика, в которой каждый из нас в своей жизни неизбежно участвует с обеих сторон» [Юнусов, 2025, с. 157]. Таким образом, фраза «Осуждаю» представляет собой формулировку выбора этической позиции, незачинную по степени жесткости формы выражения. Это инструмент публичной презентации социальной идентичности — принадлежности к группе, занимающей ведущие позиции и обладающей властью подавлять условно маргинальные единицы (ср. современное *отмена культуры* или *отмена /отменить [какого либо человека]*).

4. Заключение = Conclusions

Итак, мы представили некоторые наблюдения над функциональными характеристиками ряда выражений, распространённых в речи современной молодежи, в повседневном взаимодействии.

Каждое из них является предикативной единицей, представляет собой цельное предложение и одновременно устойчивую формулу, не имеющую образности и обладающую воспроизводимостью в неизменном виде.

Эти выражения чаще всего функционируют как в устной, так и в письменной речи. При этом надо полагать, что первичной средой для них была

как раз письменная форма коммуникации: большинство из них сформировались, вероятнее всего, в интернет-общении, во взаимодействии пользователей социальных сетей.

Лаконичность этих высказываний обусловлена спецификой современной письменной интернет-речи: следуя принципу экономии усилий, носитель языка стремится писать кратко.

Они функционируют в виде языкового субстрата, который ощущается как чуждый искусственный элемент на фоне прочих высказываний, образующих естественно разворачивающийся нарратив.

Чаще всего их можно встретить в составе диалога, они представляют собой ответные реплики-акценты в разговоре, застывший частотный ответ в определенных дискурсивных обстоятельствах.

Они являются коммуникативным инструментом, заполняя некоторые типичные слоты в диалоге в роли речевых поддержек или метаязыковых маркеров иной семантической специализации. Иногда это способ заполнить такую позицию, которая по сути предполагает ожидаемую реакцию.

Такие единицы представляют собой типовую модель реагирования на частотный стимул (вопрос, утверждение, сообщение) в рамках стандартной диалоговой ситуации, обеспечивают быстрое реагирование, соответствующее моменту, освобождая говорящего или пишущего от «когнитивных затрат» на формулирование развернутого личного высказывания.

Это готовые формулы, готовые речевые решения — «костыли коммуникации». Причем решения, а не шаблоны для заполнения.

Часть из них имеют оценочный характер. Как ни странно, они выполняют функцию снижения напряженности диалога за счет нивелированной индивидуальности в оценочном реагировании.

Верификационной процедурой, выявляющей назначение анализируемого типа вербальных конструкций, может служить поиск ответа на вопрос: если бы «готовой клишированной реплики» не было, то как пришлось бы выразить этот смысл? Вероятно, говорящему (или пишущему) следовало бы составить развернутое высказывание, притом в большинстве случаев — оценочного типа. Подбор стилистического регистра и мера вежливости в выражении мысли, а значит, и коммуникативный эффект зависели бы от говорящего — от выбора им словесного материала, в то время как уже имеющиеся в памяти говорящего (пишущего) конструкты представляют возможность не решать столь сложные коммуникативные задачи.

Подчеркнем, что клишированные репликовые формулы не предназначены для дескрипции реалий, не выражают эксплицитованно мнение или сентенцию, то есть не описывают сущностную часть картины мира, как пословицы и поговорки, устанавливающие какие-либо этические импера-

тивы или фиксирующие типичные характеристики людей и закономерно-стей организации жизни и быта.

При этом содержательно и по своему происхождению они, несомненно, основываются на опыте общения носителей языка в цифровой среде, привносят экспрессию в диалог и являются результатом адаптации коммуникативных процессов к лингвокультуре эпохи.

Такие конструкции являются знаками своего времени, появившись в ней и сразу став употребительными, то есть проявив аномальную активность в речевой практике человеческого сообщества. Это своеобразные маркеры стиля общения и культурного сознания молодого поколения носителей русского языка начала XXI века. В перспективе дальнейшего развития языка и смены поколений они, вероятно, вряд ли сохранят свои позиции. Неслучайно Е. Р. Иоанесян, описывая формулы согласия и подтверждения, несогласия и отрицания, удивления, подчеркивает их лингвоспецифичность: «Важность и актуальность изучения дискурсивных формул обусловлена большой ролью дискурсивов в процессах устной коммуникации, а также тем, что в значительной степени они являются лингвоспецифичными» [Иоанесян, 2022, с. 26]. Добавим, что формулы этого типа чувствительны к изменениям коммуникативных практик, поэтому в пределах одной лингвокультуры они волнообразно сменяют друг друга, так как принадлежат к живой разговорной речи, в которой доминирует диалоговый формат, и представляют собой поколенчески специфичные языковые средства, поэтому фиксируют ментальные, в том числе аксиологические реалии той или иной эпохи. Так, проанализированные в статье устойчивые реплики-клише из речи современной молодежи маркируют, как было показано, ценностные фиксации носителей языка на самопрезентации через личный опыт, информационно-цифровом взаимодействии, визуальной чувствительности, ритуализованном нормативно-ценностном дистанцировании. Можно заметить, что совокупность этих ценностных слотов складывается в своего рода психографический профиль молодого поколения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.11.2025).
3. *Twitch: Community Guidelines* [Electronic resource]. — Access mode : https://safety.twitch.tv/s/article/Community-Guidelines?language=en_US (accessed 12.11.2025).

Литература

Акопян Д. В. Трансформация института прямого политического обращения в условиях цифровизации публичной сферы / Д. В. Акопян // Закон и власть. — 2025. — № 9. — С. 52—56.

Базлуцкая М. М. Вовлеченность аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии / М. М. Базлуцкая, А. Н. Сытник, Н. А. Цветкова // Вестник МГИМО-Университета. — 2024. — Т. 17, № 4. — С. 48—82. — DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82.

Баранов А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плуныян, Е. В. Рахилина. — Москва : Помовский и партнеры, 1993. — 207 с.

Баякова Д. О выражении усилительной семантики в конструкции «от слова совсем» / Д. Баякова // Русский язык в XXI веке: исследования молодых : материалы XI международной научной студенческой конференции, Астана, 13—14 февраля 2024 года. — Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2024. — С. 5—8.

Белова В. М. Дискурсивные слова в мемуарах монтажного типа: семантика, функции, прагматика диссертация ... кандидата филологических наук 10.02.01 / Валентина Михайловна Белова. Череповец, 2011. — 187 с.

Белюсов С. С. От слова совсем как грамматическая конструкция / С. С. Белюсов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2016. — № 7-1(160). — С. 72—77.

Блох М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. — Москва : Высшая школа, 2004. — 239 с. — ISBN 5-06-004215-4.

Бычкова П. А. Дискурсивные формулы подтверждения в типологической перспективе / П. А. Бычкова // Jezikoslovni Zapiski. — 2020. — № 27. — С. 111—128.

Вознесенская М. М. «Ни разу от слова совсем»: усилительная семантика сленговых аграмматизмов / М. М. Вознесенская, О. И. Северская // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сборник научных трудов Международного научного симпозиума, Ярославль, 17—19 мая 2019 года / Научный редактор В. Н. Степанов. — Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2019. — С. 470—480.

Волкова А. В. Метод анализа обратной связи в социальных сетях: индекс фидбека аудитории / А. В. Волкова, А. А. Назаров, Р. А. Пряников // Вестник факультета Социальных технологий и экономики данных : сборник научно-теоретических статей XXVI Международного Балтийского коммуникационного форума, Санкт-Петербург, 06—07 декабря 2024 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 2024. — С. 87-91.

Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания / под. ред. К. Киселевой, Д. Пайара. — Москва : Метатекст, 1998. — 446 с. — ISBN 5-89672-005-X.

Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка : диахронический подход / С. Ю. Жукова, Б. В. Орехов, Е. В. Рахилина // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2019. — № 21. — С. 142—164.

Зеленин А. В. Синтаксическая аномалия: «от слова совсем» / А. В. Зеленин // Русский язык в школе. — 2022. — Т. 83, № 1. — С. 67-77. — DOI 10.30515/0131-6141-2022-83-1-67-77.

Иоанесян Е. Р. Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 24-39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39.

Кронгауз М. А. Самоучитель Олбанского / М. А. Кронгауз. — Москва : АСТ, 2013. — 416 с. — ISBN 978-5-17-077807-2.

Кустова Г. И. Об иллокутивной фразеологии. Смыслы, тексты и другие захваты-вающие сюжеты / Г. И. Кустова // Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — С. 349—366.

Локалина Ю. С. Конструкция *от слова совсем* как устойчивое сочетание / Ю. С. Локалина // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. — 2022. — № 4. — С. 104-111.

Локалина Ю. С. Функционирование устойчивой модели X от слова Y в современном интернет-пространстве / Ю. С. Локалина // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. — 2024. — № 7. — С. 32-41. — DOI 10.17586/2541-9781-2024-7-32-41.

Рахилина Е. В. Речевые акты как лингвистическая категория : дискурсивные формулы / Е. В. Рахилина, П. А. Бычкова, С. Ю. Жукова // Вопросы языкознания. — 2021. — № 2. — С. 7—27. — DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27.

Северская О. И. Рефрейминг идиом и паремий в коронавирусном дискурсе / О. И. Северская, Л. В. Селезнева // Слово.ру: балтийский акцент. — 2021. — Т. 12, № 1. — С. 96-109. — DOI 10.5922/2225-5346-2021-1-7.

Треблер С. М. К вопросу о статусе дискурсивных конструкций «от слова совсем», «двадцать четыре на семь» в современном русском языке / С. М. Треблер // Нургалиевские чтения-XIV: Научное сообщество ученых XXI столетия. Филологическое общество науки : Международной сборник научно- практической конференции, посвященной 85-летию академика НАН РК, докторофилологических наук, профессора РЫМГАЛИ НУРГАЛИ, Астана, 12–14 марта 2025 года. — Астана: Мастер ПО, 2025. — С. 159-163.

Черный В. А. О чем говорят рейтинги популярности в социальных медиа? / В. А. Черный, В. В. Вебер // Социодиггер. — 2021. — Т. 2, № 5(10). — С. 18-29.

Шаронов И. А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов / И. А. Шаронов // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 51. — С. 58—68. — DOI: 10.17223/19986645/51/6.

Шолохов М. А. Лингвокультурная специфика вербальных интернет-мемов / М. А. Шолохов // Актуальные проблемы филологии. — 2019. — № 18. — С. 172-176.

Юнусов А. Зачем осуждать? Проблема обоснования практик возложения моральной ответственности / А. Юнусов // Логос. — 2025. — Т. 35, № 3(166). — С. 127-160. — DOI 10.17323/0869-5377-2025-3-127-160.

Davies W. The Reaction Economy [Electronic resource] / W. Davies // London Review of Books. — 2023. — Vol. 45, № 5. — Access mode : <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v45/n05/william-davies/the-reaction-economy> (accessed 12.11.2025).

*Статья поступила в редакцию 03.01.2026,
одобрена после рецензирования 20.03.2026,
подготовлена к публикации 07.04.2026.*

Material resources

AA — *Authors' Archive*. (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.11.2025). (In Russ.).

Twitch: *Community Guidelines*. Available at: https://safety.twitch.tv/s/article/Community-Guidelines?language=en_US (accessed 12.11.2025).

References

- Akopyan, D. V. (2025). Transformation of the institute of direct political appeal in the context of digitalization of the public sphere. *Zakon i vlast'*, 9: 52–56. (In Russ.).
- Bazlutskaya, M. M., Sytnik, A. N., & Tsvetkova, N. A. (2024). Audience engagement as an indicator of digital diplomacy effectiveness. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 17(4), 48–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Plungyan, V. A., & Rakhilina, E. V. (1993). *A guide to discourse markers in the Russian language*. Pomovsky i partnery. (In Russ.).
- Bayakova, D. (2024). On the expression of intensifying semantics in the construction “ot slova sovsem”. In *Russian language in the XXI century: research by young scholars: proceedings of the XI International Scientific Student Conference*. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pp. 5–8. (In Russ.).
- Belova, V. M. (2011). *Discourse markers in montage-type memoirs: semantics, functions, pragmatics*. PhD. Diss. Cherepovets. 187 p. (In Russ.).
- Belousov, S. S. (2016). “Ot slova sovsem” as a grammatical construction. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7-1(160), 72–77. (In Russ.).
- Blokh, M. Ya. (2004). *Theoretical foundations of grammar*. Moscow: Vysshaya shkola. 239 p. ISBN 5-06-004215-4/ (In Russ.).
- Bychkova, P. A. (2020). Discourse formulas of confirmation in a typological perspective. *Je-zikoslovni Zapiski*, 27: 111–128. (In Russ.).
- Chernyi, V.A., & Veber, V.V. (2021). What do social media popularity ratings say? *Sotsiodyger*, 2(5(10)): 18–29. (In Russ.).
- Davies, W. (2023). The reaction economy. *London Review of Books*, 45(5). Available at: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v45/n05/william-davies/the-reaction-economy>.
- Ioanesyan, E.R. (2022). Discursive Formulas Derived from Propositional Predicates. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 24–39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-3. (In Russ.).
- Kiseleva, K., & Payar, D. (eds.). (1998). *Discourse markers of the Russian language: experience of context-semantic description*. Moscow: Metatekst. 446 p. ISBN 5-89672-005-X. (In Russ.).
- Krongauz, M. A. (2013). *Self-tutor in Albanian*. Moscow: AST. 416 p. ISBN 978-5-17-077807-2. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2012). On illocutionary phraseology. In *Collection of articles in honor of the 80th anniversary of I.A. Mel'chuk*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. Pp. 349–366. (In Russ.).
- Lokalina, Yu. S. (2022). The construction “ot slova sovsem” as a stable combination. *Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya*, 4: 104–111. (In Russ.).
- Lokalina, Yu. S. (2024). Functioning of the stable model X ot slova Y in the modern Internet space. *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii*, 7: 32–41. DOI: 10.17586/2541-9781-2024-7-32-41. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V., Bychkova, P. A., & Zhukova, S. Yu. (2021). Speech acts as a linguistic category: discourse formulas. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2: 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27
- Severskaya, O. I., & Selezneva, L. V. (2021). Reframing idioms and paremias in coronavirus discourse. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*, 12(1): 96–109. DOI: 10.5922/2225-5346-2021-1-7. (In Russ.).
- Trebler, S.M. (2025). On the status of discourse constructions “ot slova sovsem”, “dvadtsat chetyre na sem” in modern Russian. In *Proceedings of the XIV Nurgaliev Readings*:

- International collection of scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of Academician Rymgali Nurgali*. Astana: Master PO. Pp. 159–163. (In Russ.).
- Sharonov, I.A. (2018). Semantic and pragmatic aspects of describing introductory words and communicatives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 51: 58–68. DOI: 10.17223/19986645/51/6. (In Russ.).
- Sholokhov, M.A. (2019). Linguocultural specificity of verbal internet memes. *Aktual'nye problemy filologii*, 18: 172–176. (In Russ.).
- Voznesenskaya, M. M., & Severskaya, O. I. (2019). “Ni razu ot slova sovsem”: Intensifying semantics of slang agrammatisms. In V. N. Stepanov (Ed.), *Russian grammar: active processes in language and speech: collection of scientific papers of the International Scientific Symposium*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. Pp. 470–480. (In Russ.).
- Volkova, A. V., Nazarov, A. A., & Pryanikov, R. A. (2024). Method of feedback analysis in social networks: audience feedback index. In *Proceedings of the XXVI International Baltic Communication Forum*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M.A. Bonch-Bruевич. Pp. 87–91. (In Russ.).
- Yunusov, A. (2025). Why condemn? The problem of justifying practices of imposing moral responsibility. *Logos*, 35(3(166)): 127–160. DOI: 0.17323/0869-5377-2025-3-127-160. (In Russ.).
- Zelenin, A. V. (2022). Syntactic anomaly: “ot slova sovsem”. *Russkiy yazyk v shkole*, 83(1), 67–77. DOI: 10.30515/0131-6141-2022-83-1-67-77. (In Russ.).
- Zhukova, S. Yu., Orekhov, B. V., & Rakhilina, E. V. (2019). Discourse formulas of the Russian language: a diachronic approach. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova*, 21, 142–164. (In Russ.).

*The article was submitted 03.01.2026;
approved after reviewing 20.03.2026;
accepted for publication 07.04.2026.*